

М.Г. Павловец, Т.В. Павловец

«Гамлет»

Это стихотворение можно считать ключевым для романа Пастернака «Доктор Живаго», недаром им открывается семнадцатая, стихотворная глава этого произведения. Ключевым в том смысле, что понимание того, как построено стихотворение, возможно, даст читателю ключ к пониманию всего романа.

Своеобразие этого стихотворения в том, что различные его интерпретации не противоречат друг другу, но друг друга дополняют, и, с одной стороны, включают стихотворение в смысловую ткань романа, а с другой — сам роман — в контекст мировой культуры, проясняя тем самым замысел произведения, о котором Пастернак говорил: «Атмосфера вещи — мое христианство». Стихотворение допускает следующие прочтения:

— само название стихотворения, как и заданная в нем ситуация неизбежности предначертанного герою пути и попытка эту неизбежность осмыслить говорят о том, что это — внутренний монолог Гамлета — датского принца, главного героя трагедии Шекспира «Гамлет». Стихотворение не только заставляет обратиться к этой трагедии, но и вспомнить осмысление образа в русской культуре, например, Тургеневым (статья «Гамлет и Дон Кихот», повесть «Гамлет Щигровского уезда»), Блоком («Я Гамлет. Холодеет кровь...») и др.

— стихотворение представляет собою монолог актера, играющего роль Гамлета («Я вышел на подмостки» — сцена; «На меня наставлен сумрак ночи / Тысячью биноклей на оси» — зрительный зал; наконец, слова «замысел», «роль», «драма», «распорядок действий»). Ср. также один из черновых вариантов стихотворения: «Это шум вдали идущих действий. / Я играю в них во всех пяти»),

— обращение к шекспировскому образу заставляет вспомнить формулу великого драматурга: «Весь мир — театр, и люди в нем актеры». В таком случае ситуация Гамлета осмысляется как типовая ситуация каждого человека в этой жизни вообще, а обращение «Я люблю твой замысел упрямый» относится не только к режиссеру драмы, но и к Создателю этого мира, в котором каждый достойно должен пройти предначертанный ему свыше путь («дверной косяк» — символ начала жизненного пути). Тем самым жизни человека даже в самых невыносимых обстоятельствах возвращается истинный смысл: быть достойным своей роли, своему предназначению в этом мире.

— стихотворение — Моление о Чаше Христа в Гефсиманском саду, о чем говорит почти точная цитата из Евангелия от Марка (Марк, 14, 36) и от Матфея (Матф., 26, 39), картина звездной ночи, упоминание о фарисействе и об одиночестве героя. Таким образом, вводится тема жизни как искупительной жертвы, а также одна из центральных идей романа о начале с явлением Христа новой эпохи — начале современной истории, нашей эры, впервые поставившей вопрос о личном, личностном бессмертии человека, о ценности отдельной личности. Об этом говорит дядя Юрия Живаго, Николай Николаевич Веденяпин:

«Века и поколения только после Христа вздохнули свободно. Только после него началась жизнь в потомстве, и человек умирает не на улице под забором, а у себя в истории, в разгаре работ, посвященных преодолению смерти, умирает, сам посвященный этой теме».

— стихотворение написано Юрием Живаго — центральным героем романа, и было переписано и доработано им за несколько дней до смерти. Тем самым проблематика

стихотворения включается в идейную структуру «Доктора Живаго» и позволяет осмыслить жизненный путь героя в соотнесении с путями Гамлета, художника-актера, по своему положению должного до конца довести свою роль в драме жизни, и, наконец, Христа, сказавшего миру новое Слово о жизни и своей жизнью подтвердившему его правоту (возможность такого прочтения подкрепляется фамилией героя — ср. «печать Бога Живаго» (Откр., 7, 2); кстати, мать Юрия звали Мария).

— но если вспомнить, что в действительности стихотворение принадлежит перу Пастернака, то тем самым прояснятся особенности биографизма романа: то, каким образом, при почти полном отсутствии внешних совпадений, соотносятся жизненные пути автора романа и его главного героя. Станут понятными и слова, сказанные об этом произведении Д. Лихачевым: «Доктор Живаго» — «духовная автобиография Пастернака». Дело здесь не в общности фактов биографии, а в общности духовного пути, пройденного однажды Христом и во все времена с тех пор выбираемого лучшими представителями человечества, — пути жертвенного. Своеобразие и стихотворения, и романа в том, что Пастернак не прямо переносит обстоятельства двухтысячелетней давности (а также средневековья, Возрождения и начала XX века) в современность: эти обстоятельства как бы просвечивают сквозь покров времени, не подменяют друг друга, а сливаются в нерасторжимое целое, «как образ входит в образ, / И как предмет сечет предмет» («Мне хочется домой, в огромность...»). Тем самым преодолевается само время: случившееся века назад происходит здесь и сейчас, и уже никогда не пройдет, будет вечно (ср. «Я ловлю в далеком отголоске / Что случится на моем веку», то есть в далеком отголоске событий прошлого слышу весть о будущем). Недаром в другом стихотворении Юрия Живаго, «Рождественская звезда», сквозь библейский пейзаж просвечивают черты пейзажа зимней Руси. Преодоление времени есть победа над смертью — центральная тема всего романа: и размышлений его героев, и стихов доктора Живаго. Преодоление, совершенное Христом и продолжающееся совершаться сейчас.